

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Динамичные изменения в структуре общественных отношений последних лет фактически преобразили систему власти в России. На месте полностью разрушенной сбалансированно-централизованной постепенно начала формироваться принципиально новая структура распределения властных полномочий. В результате возникла уникальная «узловая» система. Основными «узлами» российской политики сначала стали некоторые субъекты федерации, которые впоследствии фактически уступили инициативу крупным региональным городам, как правило, столицам. В течение относительно короткого времени эти города смогли сформулировать собственную политическую линию, фактически противопоставив ее политике региональной власти.

На первый взгляд по своим основным параметрам новая ситуация повторяет «парад суверенитетов» 1991 г., но только на более низком организационном уровне. На самом деле, это не совсем так: направление городской политики несколько отличается от сепаратизма региональных властей, хотя, конечно, вектор движения во многом схож.

Городское политическое пространство и муниципаль- ные выборы

Процессы кристаллизации самостоятельного и самодостаточного городского политического пространства представляют собой относительно новый элемент в политической жизни России. Противостояние между региональной властью и мэрией столичного (а иногда и нестоличного) города со всей очевидностью подтверждает это. Несмотря на то, что результаты такого противостояния сказываются, как правило, только на соотношении политических сил внутри региона и практически не имеют выхода на более крупные — федеральные — структуры, тенденция к усилению влияния городских лидеров вполне может стать причиной рождения новой политической реальности в России.

Региональный город не хочет, так сказать, замыкаться на собственном и ищет пути выхода на новый организационный уровень. Ярким свидетельством тому служит, в частности, заключение 27 октября 1998 г. межмуниципального союза поволжских городов, во главе которого встала Самара (представленная мэром Г.Лиманским). Примечательно, что по составу участников это объединение практически повторяет (читай — дублирует) соглашение «Большая Волга», ставшее практически неработоспособным в силу объективных причин. Однако для создания оригинального, уникального городского политического пространства на уровне целого государства роста «городской самоидентификации» еще не достаточно. Для его создания необходим

ряд серьезных условий (единое информационное и коммуникативное пространство, налаженные всесторонние контакты между городами и т.д.), которых в России пока нет.

Тем не менее уже можно говорить о потенциальных последствиях кристаллизации городского политического пространства. Принципиальным здесь является определение «потенциальный», потому что реальное воздействие этих обстоятельств на политику еще очень невелико. Итак, эти последствия можно сформулировать следующим образом.

1. Формирование альтернативных политических центров в регионах, сопровождающееся ослаблением влияния региональных лидеров. Эта ситуация чревата глубоким кризисом действующей в России модели федерализма: при внешнем благополучии перераспределение власти внутри региона ведет к усилению несистемных по сути политических сил, которые вполне реально претендуют на власть.

2. Перераспределение власти в регионах может оказаться зависимым от имеющегося ресурсного потенциала. Так, например, даже нестоличные города, в которых сосредоточены крупные работающие (как правило, градообразующие) производства, реально способны претендовать не только на роль экономических центров, но и на политическую власть. Ярким примером может служить Тольятти, «вторая столица» Самарской области.

3. Создание коллективного городского лобби в законодательных собраниях субъектов федерации (прежде всего в регионах с высоким уровнем урбанизации), что может, в свою очередь, привести, во-первых, к созданию многопартийной системы в регионах (по крайней мере альтернативы «партии власти») и, во-вторых, к ослаблению внимания к проблемам области (прежде всего сельским). Кроме того, мэр сумеет обеспечить себе реальную политическую опору не только в городских собраниях, но и на уровне региона.

4. Рост криминальной составляющей в городской политике и бизнесе. Примеры Тольятти, Нижнего Новгорода, Нефтеюганска — яркие тому подтверждения. Обострение криминальной обстановки — это на сегодня наиболее ощутимое последствие кристаллизации городского пространства.

* * *

Одно из важнейших политических событий не только на уровне региона, но и на уровне города — это муниципальные выборы. Именно их можно назвать своего рода «опорным пунктом» изучения городского политического пространства. Если же муниципальные и региональные выборы не совпадают по времени, то можно говорить о еще одном моменте активизации городской политической жизни. Однако в этом случае оказывается трудным провести грань между городом и регионом: активная кампания фактически стирает эти грани.

Вывод о «конституирующей» роли муниципальных выборов исходит из того, что, как правило, в «мирный период» в небольших го-

родах (на самом деле, практически во всех городах, кроме мегаполисов) политическая активность равна нулю. Эта ситуация характерна не только для России, но и для стран Запада, несмотря на то, что городская культура во многих из них гораздо более богата и разнообразна, чем в России. На это обращал внимание еще М.Вебер, рассматривая город в качестве отдельного политического субъекта со своими специфическими чертами, способного на генерацию собственной политической линии.

Специфика городского политического пространства определяется целым рядом характеристик: социально-демографических, географических, ресурсных, статусных, производственных и т.д. Тем не менее проведение определенного компаративного анализа представляется вполне реальным: предлагаемые нами примеры в целом обладают рядом сходных черт, а потому политическая деятельность в этих городах, будучи разнонаправленной, позволяет говорить о симилярности структуры и характера политического пространства в целом.

Проведение параллелей оправдано в силу следующих обстоятельств:

- все города являются столицами субъектов Российской Федерации, обладая, таким образом, одинаковым статусным потенциалом, определяющим структуру политического пространства. Изменение соотношения сил в их властной элите вполне может повлечь за собой изменения в структуре власти самих регионов;
- все эти города прежде всего в силу сосредоточенного в них ресурсного, производственного и др. потенциала играют ключевую роль в региональной политике, а потому изменения в структуре местной власти очень значительны по своим последствиям;
- потенциально главы городских администраций могут претендовать на губернаторское кресло. Это придает ситуации еще большую интригу и позволяет говорить о наличии альтернативного центра в биполярном политическом пространстве региона.

**Анализ
события:
муниципальные
выборы
осени 1998 г.**

В сентябре—октябре 1998 г. были проведены выборы в четырех крупных российских городах: Владивостоке, Калининграде, Нижнем Новгороде и Липецке. Кроме того, в ноябре—декабре 1998 г. состоялась кампания, которую можно назвать одной из принципиально важных не только для самого региона, но и для страны в целом: в Санкт-Петербурге прошли выборы Законодательного собрания. Собственно говоря, эти выборы нельзя назвать чисто муниципальными — Санкт-Петербург является самостоятельным субъектом федерации. Вместе с тем это город, что существенно для выбранного нами подхода.

Попытка сравнительного анализа некоторых из упомянутых кампаний представляется важной не только в связи с формальными изменениями, связанными с персональными перестановками в политической элите регионов, но и по нескольким принципиальным соображениям. Во-первых, вектор развития политических кампаний в

этих регионах был во многом сходным с точки зрения тех ориентаций и установок, которыми оперировали кандидаты. Во-вторых, результаты кампаний как нельзя более ярко продемонстрировали новые и, без сомнения, очень интересные тенденции развития российской региональной политики, которые, вполне возможно, будут подтверждены дальнейшими событиями. Главным образом это связано с упоминавшимся выше изменением роли городов и городских властей в общем политическом ландшафте регионов.

Сразу оговоримся, что во Владивостоке выборы в установленные сроки не состоялись, и поэтому обсуждать их в контексте других избирательных кампаний представляется нецелесообразным.

**Нижний
Новгород —
март 1998 г.**

Конфликт между представителями городской и региональной власти в Нижнем Новгороде длительное время развивался в латентной форме и не приводил к сколько-нибудь серьезным институциональным потрясениям. Скандальная отмена результатов выборов мэра в марте 1998 г., на которых победил А.Климентьев, ознаменовала первое серьезное столкновение между ними.

Октябрьские выборы лишний раз показали, что происходящие изменения в политической элите действительно значимы: как региональные, так и московские власти были крайне заинтересованы в победе лояльных себе команд. Климентьев же не вписывался в подобную схему, за что и поплатился. Фактически это был вызов, брошенный центром властям Нижегородской области — региона, известным своими почти родственными, органическими связями с московским политическим бондомом.

По данным социологических опросов, проведенных Нижегородским научно-исследовательским социологическим центром, Климентьев имел очень слабые стартовые позиции по сравнению с остальными претендентами. В этом свете динамика роста доверия к нему со стороны общественного мнения стала не столько причиной победы Климентьева (как принято считать), сколько психологическим фактором, который во многом «надломил» электорат соперников, «заставив» избирателей проголосовать иначе, чем они сами желали. Действительно, согласно данным февральских и мартовских опросов, проведенных ВНИИ МВД области, в феврале Климентьев занимал третье место, уступая Д.Беднякову и победителю — В.Горину (39 и 10% соответственно). А в марте Климентьев не только вышел на второе место, но и сократил отрыв до 5%. Причем если рейтинги Климентьева демонстрировали положительную динамику, то Горин и Бедняков теряли очки. Любопытно и то, что Климентьев оказался кандидатом с самым высоким индексом отторжения (более 44%)*. Это было связано с его специфическим имиджем, ставшим одновременно и причиной победы, и причиной окончательного — довольно печального для него — результата выборов в марте 1998 г.

Одной из главных причин победы Климентьева стало то, что основными его соперниками оказались представители «партии власти», которые раскололи электорат, лояльный к региональным властям (Горин и Бедняков выступали за преемственность власти, «пересечение» их электоратов составило 55%), и, таким образом, предоставили минимальное преимущество Климентьеву, что и решило исход дела.

Вторая причина сенсационной победы Климентьева — избирательная система, которая применялась на выборах, — мажоритарная относительного большинства, т.е. голосование в один тур. При двухтуровой системе голосования, очевидно, победил бы Горин (он набрал 31,3% против 33,7% Климентьева). К концу первого тура Климентьев фактически исчерпал свои ресурсы и во втором мог рассчитывать только на протестный электорат других кандидатов, составлявший, максимум, не более 4%. Горин же, в свою очередь, имел мощную поддержку второй части расколотого электората, той, которая голосовала за Беднякова (он набрал 24,3% голосов). В этой ситуации победа Горина просчитывалась арифметически.

В то же время результаты выборов, а именно небольшой (менее 2,5% голосов) разрыв между лидерами гонки свидетельствует о том, что имидж региональных властей, от имени которых выступали два кандидата, оказался позитивным, а уровень доверия к ним — стабильно высоким. При обратной ситуации разрыв между Климентьевым и Гориним был бы гораздо большим, а общая сумма голосов, набранная Гориним и Бедняковым, значительно сократилась (причем, видимо, за счет Беднякова). Автоматически выросли бы два показателя — поддержка Климентьева (активный протестный электорат) и «против всех» (пассивный протестный электорат).

Третьей важной причиной победы Климентьева можно назвать фактор влияния СМИ. В данном случае это не дань концепции, согласно которой СМИ практически определяют исход выборов. Здесь причина заключается в ином: Климентьев стал одним из героев предвыборной кампании (впрочем, оставался им, с ореолом мученика, еще долгое время после мартовских выборов — вплоть до октября). Региональные СМИ, может быть, даже не желая этого, очень живо отреагировали на поведение скандального кандидата, активно включившись, таким образом, в избирательный процесс и «раскрутив» Климентьева. Контент-анализ местной прессы показывает, что количество упоминаний имени Климентьева в том или ином контексте заметно превосходило количество упоминаний других кандидатов (И.Склярова — в 3 раза, Горина — в 4 раза, Б.Немцова — почти в 5 раз, а Беднякова — более чем в 6 раз).

**Нижний
Новгород —
октябрь 1998 г.**

Несостоявшиеся выборы мэра создали новую ситуацию в Нижегородском регионе. Арест Климентьева, назначение перевыборов, новая вспышка скандала с «навашинскими миллионами», в котором оказались замешанными не только представители региональной элиты, но

и политики федерального уровня, — все это на фоне общего политического и экономического кризиса дестабилизировало общественную ситуацию, что сказалось на результатах выборов в октябре 1998 г.

Эти выборы в очередной раз продемонстрировали, что ресурс партийной принадлежности не работает в условиях региональных, а тем более муниципальных выборов. «Партия власти» имеет серьезные институциональные проблемы, а потому фактически не может сориентироваться в политической ситуации, что приводит к осечкам типа той, которая произошла в марте 1998 г. Глубокие противоречия, которые существуют во властной элите, полностью исказили электоральную ситуацию. Нижегородская область, давшая России немало политиков самого высокого уровня, сотрясается от политических разборок внутри властной элиты. Прежде всего это связано с противостоянием между Немцовым, ранее работавшим вице-премьером правительства РФ, и губернатором Скляровым. Начавшееся еще в 1995 г., во время выборов губернатора (тогда второй раз им стал Немцов), оно вновь вышло на поверхность в 1998 г.

Несмотря на то, что поддержка того или иного кандидата обоими соперниками никак не декларировалась, вполне прозрачными можно назвать коалиции «Немцов — Лебедев» и «Скляров — Бедняков». Причем Ю.Лебедев, как в бытность представителем президента (он был снят после мартовских выборов за поддержку Климентьева), так и после своей отставки, рассматривался и Скляровым, и Немцовым как проходной кандидат.

При этом создалась любопытная ситуация: отношения региональной власти с мэрией отступили на второй план перед более масштабным политическим противостоянием — между федеральным центром и губернаторскими структурами. Третий — муниципальный — уровень политической власти оказался в тотальной зависимости от результата данного противостояния. В этом плане Нижегородская область явила совершенно уникальный пример — фактически основное влияние на характер муниципальной политики в регионе оказывают федеральные структуры, а не региональная власть.

Несмотря на полугодовой перерыв между избирательными кампаниями, «партия власти» не смогла полностью сориентироваться в сложившейся ситуации. Главной ее потерей стал отказ Горина участвовать в повторных выборах. По мнению экспертов, он был просто сломлен своим поражением и не захотел снова испытывать судьбу. Таким образом, вполне реальный претендент на пост мэра, имеющий колоссальный опыт управленческой деятельности, практически «сошел с дистанции». На самом деле, если бы в выборах участвовал не Бедняков, а Горин, ситуация вполне могла измениться, и неизвестно, стал ли бы Лебедев новым мэром Нижнего Новгорода.

Еще один парадокс нижегородских выборов заключается в том, что Лебедев на фоне многих своих конкурентов (по крайней мере на фоне В.Семаго и Д.Беднякова) смотрелся крайне слабо. Как публично-

го политика его не воспринимал никто. «Хозяйственник», «народный мэр», он мог на одном языке разговаривать с избирателями на колхозных полях или в цехах (чем, кстати, активно пользовался), но на теледебатах проиграл бы вчистую. Примечательно его поведение во время записи дебатов с Бедняковым перед вторым туром. Когда запись началась, Лебедев попросил Беднякова извиниться за распространяемую его штабом информацию о нем, назвав ее «клеветой» и «ложью». Естественно. Бедняков отказался, сказав, что все написанное — правда. Тогда Лебедев развернулся и ушел, сорвав запись эфира.

За свою прямолинейность Лебедев получил в народе прозвище «летающий лом». Видимо, отчасти оно связано с его «птичьей» фамилией, отчасти — с манерой работать и добиваться поставленных целей. Ему свойственен откровенный популизм, ставшая классикой апелляция к «сердцу», броская простота и «свойскость». Лебедев говорит на псевдонародном языке, и надо признать, у него это неплохо получается. Но, повторим, его качества оратора, мастера интеллектуальных бесед и споров оставляют желать лучшего. Как выясняется, эти качества не столь уж и важны как для провинциального избирателя, так и для провинциального политика. Показательно, что практически во всех рассматриваемых кампаниях участвовали политики, которых по тем или иным причинам просто нельзя назвать публичными. И в Нижнем Новгороде, и в Калининграде, и в Липецке среди реальных претендентов на губернаторский пост были люди, для которых общение с избирателями и выступление на публике является большой проблемой.

Нельзя не сказать и об участии в выборах Семаго, обусловленном прагматическим расчетом и конъюнктурными соображениями. Если учесть, что именно из-за этого участия Семаго «поссорился» с соратниками по фракции в Государственной Думе и перешел в «Российские регионы», можно заключить, что свои потенциальные возможности он оценивал очень высоко. Отчасти такой расчет оказался верным: для «варяга» Семаго получил много голосов, его третье место можно назвать довольно весомым результатом и в целом победой.

Общественное мнение воспринимало Семаго не в качестве кандидата от коммунистических сил. Он вообще не ассоциировался с какими-либо политическими партиями, и это можно считать его достижением. Но имидж «независимого варяга» имел и негативные последствия. В частности, нижегородские газеты называли Семаго «кандидатом с размытым политическим лицом», что, надо думать, оттолкнуло определенную часть «убежденных» избирателей (хотя, возможно, и привлекло неопределившихся).

Специфическая черта нижегородского политического процесса — высокий уровень лояльности населения к областной администрации. Это обстоятельство оказалось крайне важным в период избирательной кампании. Стараясь извлечь максимум из собственного положения и авторитета областных властей, многие кандидаты (включая тех, кого

называли в числе потенциальных победителей) так или иначе ориентировались на действующую исполнительную вертикаль в регионе. Таким образом, борьба шла не за протестный электорат, а за голоса людей, поддерживающих власть. По большому счету, на выборах мэра Нижнего Новгорода столкнулись две группы интересов — федеральная (представленная Немцовым и Кириенко) и областная (представленная командой Складова). Каждая из этих групп хотела любой ценой закрепиться на уровне нижегородской мэрии, что только усилило накал предвыборной борьбы. Сценарий борьбы региональных и московских властей сам по себе довольно распространен — федеративное устройство государства располагает к этому. Но формы, которые приобрело противостояние элит в Нижнем Новгороде, уникальны для региональной политики. С одной стороны, бывшие государственные чиновники самого высокого уровня, которые апостериори пытаются обеспечить себе «тылы», а с другой стороны, губернатор, пользующийся доверием населения.

Если говорить о сценариях развития событий в Нижегородской области, то вполне реальным представляется дальнейший раскол политической элиты региона на два конфликтующих лагеря: команды Складова и Немцова. Основное соперничество развернется, видимо, на выборах депутатов Государственной Думы по пяти нижегородским мажоритарным округам.

Калининград

Если проводить параллели между выборами в Нижнем Новгороде и Калининграде (последние тоже состоялись в октябре 1998 г.), то можно обнаружить, что общая тенденция развития партийных структур вообще и структур «партии власти» в частности в обоих рассматриваемых регионах во многом схожа. «Партия власти» в Калининградской области (здесь она представлена прогубернаторским движением «За возрождение, развитие и достойную жизнь человека», а также региональной организацией НДР) также переживает тяжелые времена. Однако раскол ее объясняется иными причинами.

Нынешний мэр Калининграда Ю.Савенко, занявший этот пост по результатам выборов в октябре 1998 г., никогда открыто не заявлял о своей партийной принадлежности, предпочитая имидж «независимого». Вместе с тем он всегда рассматривался губернаторами Ю.Маточкинским и Л.Горбенко как проводник интересов администрации области в мэрии. За ним укрепилась слава «своего» человека администрации, хотя открытой связи никогда не было заметно. Савенко считался близким технократом, мастером закулисных игр и аппаратных интриг.

Одно из самых удачных его действий — участие в выборах мэра Калининграда в качестве самостоятельной политической фигуры. При этом неожиданностью стало дистанцирование Савенко от областной власти, имеющей крайне негативный имидж в регионе. Отход от «генеральной линии» происходил не только на словах, но и на деле: в период избирательной кампании Савенко подал в суд на админи-

страцию области за незаконный, по его мнению, арест счетов мэрии. Процесс получил широкий резонанс в области (даже несмотря на то, что откровенно ангажированных СМИ фактически не было). Естественно, такое поведение привело к расколу «партии власти» и еще большей дискредитации областной администрации. По большому счету, Савенко, спровоцировавший обострение противостояния между областью и городом, фактически выиграл его и теперь может строить реальные планы относительно предстоящих выборов губернатора. Однако, в каком качестве Савенко будет участвовать в выборах главы региона, и что будет собой представлять та сила, от лица которой выступит новоиспеченный мэр, сказать пока трудно. По крайней мере на сегодняшний день аппаратный «серый кардинал» окончательно не превратился в публичного политика.

Политический «бэкграунд» в Нижнем Новгороде и Калининграде оказался совершенно разным. В Нижнем Новгороде авторитет власти достаточно высок. Даже несмотря на выдвижение двух кандидатов на мартовских выборах, разрыв между победителем (Климентьевым) и ближайшим преследователем (Гориным) оказался минимальным — около 2,5%. Очевидно, что второй тур не оставлял Климентьеву ни шанса. Октябрьские выборы также подтвердили прагматичность этих предположений: во втором туре встретились кандидаты, чей электорат состоял из лояльных власти избирателей и в значительной степени «пересекался».

Калининградская область представляет пример иного рода. Для победы на выборах одним из условий было дистанцирование кандидата от администрации области и прежде всего от личности самого Горбенко, чей отрицательный рейтинг составляет более 75%. Некоторые наблюдатели выдвигают даже парадоксальное на первый взгляд предположение, что именно отход Савенко от губернаторских структур стал основной причиной его успеха. Очевидно, что это, как минимум, упрощение реального положения вещей. Более того, результат, полученный М. Дударевым — прямой креатурой губернатора Горбенко, а он занял 6 место из 23, — говорит об обратном. Но факт остается фактом: почти все кандидаты (за исключением, пожалуй, уже упомянутого Дударева), включая победителя и проигравших, замыкающих итоговый список, играли на поле протестного электората.

В то же время — и в этом заключается одна из главных сюжетных линий калининградской кампании — люди голосовали не против Горбенко и не за Савенко, но за преемственность городской власти. Это звучит довольно странно на фоне рассуждений о протестном электорате, «ресурсе дистанции» и т.д. Но это именно так. Дело в том, что в общественном сознании Савенко ассоциировался с предыдущим мэром Калининграда И. Кожемякиным, хотя на самом деле их отношения не отличались большой теплотой. Именно этот ресурс, судя по всему, и стал основным в кампании Савенко¹. Это лишний раз подтверждает существование городского политического пространства со своими

¹ Вообще линия «наследственности» — еще одна параллель, которую можно провести между кампаниями в Нижнем Новгороде и Калининграде. Если в Калининграде речь шла о продолжении политики предшественника, имеющего позитивный имидж (Кожемякин считался градостроителем, борцом за самостоятельность города и т.д.), то в Нижнем Новгороде Семаго, ориентировавшийся на пример удачливого Климентьева, всячески подчеркивал свои «наследные» права, актуализируя, как правило, негативные черты имиджа последнего.

собственными законами развития и специфическими чертами. Если в случае с нижегородскими выборами оно, как уже отмечалось, оказалось в значительной степени деформированным участием федерального центра, то в Калининградской области, наоборот, город, захвативший инициативу политического действия, предстал в качестве реальной альтернативы региональной власти. Недаром октябрьские выборы рассматриваются как «полигон» для губернаторских «маневров».

Муниципальные выборы в Калининграде и Нижнем Новгороде подтверждают, что российская «партия власти» переживает глубокий кризис, связанный с несколькими факторами:

1) центробежными тенденциями, обусловленными слабостью центральной структуры. Особенно заметно это стало после отставки В.Черномырдина;

2) стремлением отдельных политических лидеров получить максимум от тех ресурсов, которыми располагает (или располагала) «партия власти»;

3) политической «всеядностью» лидеров региональных «партий власти», выражающейся в огромных ценностных различиях, которые существуют между отдельными представителями этого (пусть аморфного) образования.

Липецк

Особняком стоят выборы мэра Липецка. Кризисные явления в стане политической элиты, характерные для других регионов, обошли Липецк стороной. Анализ хода кампании наталкивает на мысль, что выборы прошли по запланированной схеме, и их результат был известен задолго до объявления официальных цифр. Одна из отличительных черт политического процесса в Липецкой области — преемственность власти, наличие четкой сбалансированной системы иерархического продвижения политиков. Именно поэтому экс-губернатор М.Наролин был неприятно удивлен тем обстоятельством, что О.Королев, председатель Законодательного собрания области и вице-спикер верхней палаты российского парламента выдвинул свою кандидатуру на губернаторских выборах 12 апреля 1998 г. На выборах Наролин потерпел сокрушительное поражение еще в первом туре (Королев набрал более 70% голосов).

Выборы мэра, напротив, не принесли сюрпризов. Основная борьба, как и предполагалось, велась между представителем «партии власти», председателем липецкого городского совета А.Коробейниковым и депутатом Законодательного собрания области, идеологом и одним из лидеров левых сил И.Гаркушиным. Примечательно, что в ходе избирательной кампании левые силы раскололись. Хотя основным кандидатом от левого лагеря считался Гаркушин, в выборах принимал участие и официальный представитель КПРФ, зарегистрированный как кандидат от партии. Условное разделение между ними может быть проведено следующим образом: Гаркушин представлял

НПСР, а В. Полунин — КПРФ, от которой фактически осталась лишь маргинальная группа, не имеющая практически ничего общего с современной коммунистической партией. Короче говоря, Гаркушин рассматривался как более «респектабельный» и «цивилизованный» коммунист умеренных взглядов, с которым можно иметь дело, в том числе и в случае его победы на выборах.

Но даже несмотря на это обстоятельство, потенциал левых сил в Липецке оказался настолько низким, что Коробейников победил с довольно большим отрывом. Отчасти его победа связана с индустриальным характером городского производства. Мощный индустриальный центр, Липецк всегда считался одним из очагов поддержки демократических сил, чего нельзя сказать о самой области. Так, например, на выборах губернатора большую роль сыграл именно фактор географического расселения адресных групп Наролина и Королева. Основная борьба шла за сельский электорат, и эту борьбу выиграл Королев, что и позволило ему получить столь высокий процент голосов.

На выборах мэра во многом сработал и тот «иерархический» порядок «наследования» власти, о котором говорилось выше. Бывший мэр Липецка А. Савенков покинул пост, став председателем законодательного собрания области и сменив на этом посту Королева, который, в свою очередь, был избран губернатором. По результатам прошедших выборов мэром стал глава горсовета Коробейников. Новый пост — очередная ступенька его политической карьеры. Интересен тот факт, что Савенков некогда тоже занимал пост председателя городского совета, двигаясь, таким образом, по традиционному для руководителей области пути, на который вступил и Коробейников.

«Уходя на повышение», по старой советской традиции, чиновники равно как и избираемые публичные политики, хотели видеть на своих прежних постах проверенных людей. Известна негласная связка «Королев — Савенков», которая «работала» на обоих кандидатах во время их избрания. Сентябрьские выборы дополнили этот ряд очередной фигурой. Ей, естественно, стал Коробейников.

В Липецке роль местной власти предстает в совершенно новом ракурсе: город становится «кузницей кадров». Должность главы муниципалитета рассматривается как подготовительная ступень на пути в структуры региональной власти. Существенно также, что в председателе законодательного собрания видят «второго» человека в регионе, а в мэре столицы — третьего. Жесткая иерархическая структура организации власти, которая существует в Липецкой области, во многом определяет специфику городской политики, место города в регионе.

Еще одна специфическая черта липецкого политического процесса — стабильность политической элиты. Практически никто не рассматривал состоявшиеся выборы мэра как прелюдию к губернаторским выборам. Это отличает ситуацию здесь от Калининградской и Нижегородской областей, где мэр столичного города автоматически становится потенциальным претендентом на губернаторский пост. В

Липецкой области все обстоит по-другому: Королев — молодой и перспективный руководитель, и, если не случится ничего экстраординарного, он наверняка будет баллотироваться на второй срок в 2002 г. и выиграет эти выборы. По крайней мере так подсказывает логика.

Санкт-Петербург

Избирательная кампания в Санкт-Петербурге в очередной раз подтвердила изложенный выше тезис о «конституирующей» роли выборов в политической жизни любого города. Выборы Законодательного собрания, первый тур которых был назначен на 22 ноября 1998 г., не только активизировали политическую жизнь в регионе, но и заставили многочисленных претендентов на депутатские мандаты ввязаться в жесткую и бескомпромиссную борьбу. Мы совершенно сознательно опускаем анализ технологических приемов, которые использовались в ходе кампании, это предмет для особого разговора. В контексте статьи рассматриваются общее направление, организационная и сущностная специфика кампании в Санкт-Петербурге. Для этого необходимо понять, кто вел предвыборную борьбу и какие внутренние, сугубо питерские ресурсы (в самом широком смысле слова) он использовал.

Анализ списка зарегистрированных кандидатов приводит к интересным выводам. Достаточно широки оказались его возрастные рамки: от 22 до 68 лет (от 40 до 50 лет — около 45% кандидатов, от 30 до 40 лет — порядка 24%, от 50 до 60 лет — 14%, старше 60 и моложе 30 — по 8,5%). Подавляющее большинство — почти 70% кандидатов — находится в возрасте от 30 до 50 лет.

С профессиональной точки зрения кандидатский список весьма показателен. Представители среднего и мелкого бизнеса составляли наиболее весомую его часть — около 26% всех кандидатов. Это руководители всевозможных АО и ТОО, коммерческих фондов и иных предпринимательских структур, названия которых, однако, мало что говорили широкому кругу избирателей. Крупную же городскую промышленность и иные сферы городского хозяйства представляли приблизительно 8% претендентов.

Около 15% кандидатов — штатные работники районных территориальных управлений (включая руководителей) Санкт-Петербурга, представители аппарата Смольного и Мариинского дворцов, помощники депутатов Государственной Думы и Законодательного собрания, сотрудники ряда федеральных властных структур и т.д. Следует отметить, что среди 47 из 50 кандидатов — депутаты первого созыва. Причем далеко не все они указали на это обстоятельство в представленных окружкам анкетах.

Отдельная группа — сотрудники городских муниципальных организаций. Тех, кто официально работает в штате местного самоуправления, в исходных данных списка кандидатов примерно 5,5%. На деле их было гораздо больше. Однако они, как и депутаты Законодательного собрания предыдущего созыва, старались не афишировать

свое место работы. Около 11% кандидатов были преподавателями вузов. И практически столько же претендентов являются руководителями всевозможных общественных организаций, лидерами малоизвестных партий, движений и т.д.

Партийный спектр петербургских выборов весьма специфичен. Его представляли следующие объединения — «Яблоко» (30 кандидатов), «Коммунисты Ленинграда» (29), блок Юрия Болдырева (24), блок «Согласие» под эгидой гайдаровского ДВР (20), бабуринский РОС (10), Конгресс русских общин (8) и ЛДПР (7). Следует отметить, что выборы 1994 г. были в этом отношении значительно представительнее.

Остальные партии и движения либо были представлены единицами (чаще всего — лидерами), либо вообще предпочли не выделять своих членов из кандидатов, выдвинутых группами избирателей. В общей сложности независимых оказалось 475 человек, причем таковыми было, например, подавляющее большинство кандидатов движения «Промышленность Санкт-Петербурга». По данным пресс-службы этого альянса, он поддерживал не менее 40 зарегистрированных кандидатов, но в списках окружкомов логотип партии «промышленников» значился очень редко.

Все это говорит о том, что партийная система даже в таком крупном городе, как Санкт-Петербург, играет незначительную роль в мотивации политического выбора. В этом смысле Петербург интереснее Москвы. Если московский политический спектр во многом скопирован с федерального и добавляет лишь несколько примеров собственно «городских» политических организаций, то в Санкт-Петербурге даже федеральные политические силы рассматриваются почти исключительно как приложение к реальной жизни в городе.

Именно этим обстоятельством можно объяснить и фактическое поражение «Яблока», которое, проведя значительное количество кандидатов во второй тур, так и не смогло реализовать свои, казалось бы, оправданные амбиции. и победу блока Юрия Болдырева, который акцентировал внимание исключительно на внутренних проблемах города и не затрагивал чисто идеологические вопросы. Примечательной особенностью городского политического пространства Санкт-Петербурга стало отторжение «московскости» ряда политиков типа Г.Явлинского.

Еще одним примером кристаллизации городского политического пространства стало поведение представителей властных структур города и прежде всего губернатора А.Яковлева. Так называемый «губернаторский список», в который вошли наиболее «проходные» кандидаты, одержал победу на выборах. И хотя принцип отбора кандидатов в этот список был более чем сомнительным, сформировалась достаточно устойчивая иллюзия победы местной власти. Губернатор, чье участие в выборах запрещено законодательно, стал, по

существо, одним из наиболее ярких и активных участников предвыборных баталий.

Это лишний раз доказывает, что Санкт-Петербург является скорее исключением из правил в плане чисто городской политики. Как ни в каком другом городе (может быть, за исключением Москвы) в Петербурге явственно проступают черты его политической самоидентификации не только в качестве одного из крупнейших городов страны, имеющего право на выражение собственной, часто отличной от других позиции по поводу тех или иных событий на федеральном уровне, но и как абсолютно самостоятельного во всех отношениях субъекта российской политики и экономики.

* * *

Подводя итоги, следует подчеркнуть большую роль города как самостоятельной и самодостаточной единицы регионального и федерального политического процесса. Обладая примерно одинаковыми статусными характеристиками, региональные столицы демонстрируют образцы различного политического поведения в сходной, стандартной ситуации муниципальных выборов. Тем не менее можно говорить о ряде общих характеристик политического пространства региональных столиц.

1. Партийные системы в регионах пребывают в сложном положении. Примеры большинства регионов говорят о том, что на местном уровне не существует никаких условий для нормальной партийной деятельности и, соответственно, создания многопартийной системы. Партийное строительство не стимулируется даже избирательными кампаниями, которые всегда считались «мотором» любой политической организации: избиратели просто не голосуют за «партийцев». Исключение составляют только крупные города с многопартийным типом структуры политического пространства.

2. Региональные партийные организации отчасти существуют благодаря субъективным обстоятельствам (стихийная поддержка населением той или иной идеологии, связи с политической элитой, бизнесом и т.д.). Муниципальные выборы еще раз подтвердили положение, которое можно считать своего рода аксиомой политического процесса в России: партийная принадлежность на региональном и особенно муниципальном уровне не играет практически никакой роли.

3. Региональные «партии власти» претерпевают довольно серьезные изменения. Вне зависимости от реального политического веса и влияния, которые имеет региональная властная элита (и, соответственно, представители «партии власти»), налицо кризисные явления, могущие в ближайшем будущем привести к сильной трансформации, а затем и краху этих структур.

4. Интерес московской политической элиты к происходящим на местах событиям носит зачастую конъюнктурный характер и сильно

варьируется в зависимости от региона (например, в Липецке политический процесс отличается «самодостаточностью», и влияние Москвы минимально). Но если этот интерес существует, городская политика пока не может реально противостоять влиянию со стороны федерального центра.

5. Огромную роль на региональных выборах играет использование кандидатами в мэры идеи «наследственности», преемственности власти. Причем, если в Липецке этот прием — устоявшийся, подчиненный строгой иерархической схеме, то в Калининграде и Нижнем Новгороде он применялся в чисто конъюнктурных целях. Поведение некоторых кандидатов на выборах в Нижнем Новгороде демонстрирует яркий пример политического авантюризма, основанного именно на «наследственном» принципе.

6. Городское политическое пространство, в отличие от регионального и федерального, гораздо более персонифицировано, что отчасти связано с уже упоминавшимся фактором отсутствия сколько-нибудь влиятельной партийной системы, отчасти — с локальным характером деятельности главы муниципалитета и его аппарата. Кстати, эти же обстоятельства объясняют и использование идеи «наследственности».

7. Демократические традиции в регионах еще относительно слабы, что приводит к формированию определенного типа регионального политического деятеля. Основными чертами такого политика можно назвать «антипубличность», непартийность, «антиинтеллектуализм», ориентацию на хозяйственную деятельность, отсутствие яркого имиджа, которое, тем не менее, компенсируется поддержкой тех или иных политических сил в регионе. Как правило, этот тип политика характерен для руководителей регионов. Но если приглядеться поближе, на муниципальном уровне он еще более распространен.